

Александр ЁЛТЫШЕВ

ТУНГУССКИЙ ФЕНОМЕН

Николаю Юрлову

Время собирать метеориты –
острый зуд гуляет по рукам,
у Земли растянута орбита,
как в броске стремительный аркан.

Между двух российских революций
поразив империю в упор,
век назад космическое блюдо
вызвало землян на разговор.

Или, оглушённый перегрузкой
в 300 предстоящих хиросим,
огненным пророком над Тунгуской
бешено пронёсся херувим.

Мы в ответ кричим проникновенно,
но язык общенья на нуле –
каменную азбуку Вселенной
взрывом разметало по Земле.

Потому-то для людей закрыты
тайны внеземного языка –
время собирать метеориты,
россыпью пронзившие века.

КАПЕЛЬНИЦА

В палате гнусно пахло вечностью,
висок пульсировал с утра,
но, нежно вспыхнув белой свечкою,
ко мне явилась медсестра.

Так незаметно и по-доброму,
улыбкой горести прикрыв,
бахчисарайское подобие
перевернула на штатив.

И сердобольно, и играючи
она склонилась надо мной
и слёз фонтан непросыхающий
вонзила в вену мне иглой.

Спасение и наказание
я в одночасье испытал –
чужие беды и страдания
сквозь сердце с кровью пропускал.

Потом лениво на поправку
пошёл, минуя ад и рай...
А капельницу на заправку
отправили в Бахчисарай.

СОЛДАТ

На какой-то станции, зажатой
посреди напуганной страны,
скорый поезд подобрал солдата,
шедшего с дурацкой той войны...

Помолчали километров восемь,
мгновенно перешли на "ты",
озадачил он меня вопросом:
сколько стоят водка и цветы?

Я к ответу не совсем готов –
я не шибко в области цветов.
Что до водки – сведенье подам
лет за тридцать чётко по годам.

Коль отбросить всякую подробность,
я тебе нисколько не совру:
ей цена – тупая безысходность,
пустота и слёзы поутру...

Ты глядишь, едва ли не смеяшь,
для тебя, конечно, это мелко –
вмятый в государственную грязь,
чудом уцелевший в перестрелках...

Выживай и дальше в этой брэнной,
выдержи от жесткой правды шок
и не спейся от переоценок,
что сотрут всю душу в порошок.

Меж святыней истинной и лживой
долго будешь разрываться ты...
И сошёл на станции служивый
узнавать про цену на цветы.

ОДНОПУТКА

Зашёл состав на однупутку,
и стало холодно и жутко.
Дорога мчится лишь "туда",
и вдруг становится понятно,
что, как ни бейся, никогда
ты не веротишься обратно.
И всё, что выпало оставить,
не переделать, не исправить –
бескомпромиссна, как змея,
единственная колея.

А поезд в гору прёт упрямо
прерывисто, как телеграмма,
в тоннельный ствол врезаюсь плотно
гремящей лентой пулемётной,
пронзая ночь полоской света
от Абакана до Тайшета.

*

Упал мужик в осеннее ненастье,
на лбу – шишак, в карманах – ни
шиша,
и до пупа распахнутая настезь
загадочная русская душа.

А жизнь вокруг то тлела, то кипела,
шли мимо люди, листьями шурша,
и покидала стынущее тело
в его плену уставшая душа.

Не сокрушив вселенского порядка,
бесшумно, словно в шарике прокол,
нырнула в вечность русская загадка...
Сержант Пасюк составил протокол.

*

Морской залив я гладил мерным брассом,
ленивый вал созвездия качал –
тогда я компас называл компАсом
и километры в мили обращал.

Удобно под одной стандартной схемой –
на клеточки расчерчена земля,
но не в ладу с метрической системой
овраги, перелески и поля.

Мы так легко всё лишнее забыли,
но держит память, видно неспроста,
чему равны взволнованная миля
и рваная российская верста.

РОДРИГО

Зловещая пустыня океана,
надменных звёзд застывший хоровод,
над парусом Родриго де Триана
пассатом увлекаемый плывёт.

Уже тоска всё сердце исколола,
качалась мачта – сон одолевал,
но родину грядущей кока-колы
он раньше Христофора увидал.

Исполнил: «Тьерра!» в стиле «а капелла»
и ощутил сквозь радостную боль –
за ним три дерзновенных каравеллы,
Севилья, Изабелла и король.

Над «Пинтой» закружили альбатросы,
вождь инков Виракочу призывал,
а выкрик ошалевшего матроса
Колумбом вписан в судовой журнал.

Но Христофор схитрил одномоментно,
в журнале нужный росчерк произвёл –
от короля пожизненная рента
и мелкий бонус – шёлковый камзол.

Родриго не перечил адмиралу,
и без того в испанских кабаках
лихого парня – первооткрывалу
поили и носили на руках.

Несложно жить, познав секрет ремёсел,
и он корпел во славу мастерству,
до боли сжав в тисках беззубых дёсен
трофейную табачную листву.